

Культура. 2001.
15-21 марта. - с. 11

"Травиата" on-line

Этери Гвадзава спела Виолетту в прямой трансляции оперы Дж.Верди

Премьера "Травиаты" Дж.Верди в 1853 году в венецианском театре "Фениче" была ослепительна, и одной из веских причин трескучего провала стали чрезмерная толщина и почтенный возраст исполнительницы роли Виолетты — умирающей от чахотки юной парижской куртизанки. Вторая попытка сделать сенсационную постановку в натуральных декорациях "Дамы с камелиями" была встречена в штыки знатоками и любителями итальянской оперы.

Для этого жанра идея прямой трансляции с "открытого воздуха", не предназначенного для пения, трансляции, использующей последние технические средства, — конечно, новаторство. Продюсер Андреа Андерманн восемь лет боролся с дирекцией итальянского телевидения РАИ за то, чтобы дать жизнь "Травиате". Рекламная шумиха перед премьерой была поднята большая, приготовления к трансляции были забиты эфир, а журналы пестрели фото. Участие Хосе Куры, тенора номер один на сегодняшний день, дирижирование знаменитого Зубина Меты, дорогая обстановка, роскошные наряды и сервировка, где каждая тарелка стоила 20 тысяч долларов. Ставил маститый режиссер Джузеппе Патрони Гриффи, верный соратник А.Андерманна. Все это давало право надеяться на успех.

Однако в рекламной шумихе отнюдь не все было достоверно. Например, объявление о трансляции на 125 стран. "Травиата" прошла только по Евровидению.

Суровые критики после первого же действия осыпали это зрелище градом обвинений: первый поцелуй влюбленных Альфред срыгает у Виолетты, забираясь вслед за ней под стол (что за ужас!), чересчур обильная демонстрация видов Парижа и прогулки по Версальскому парку (это же не экскурсия!), операторские наезды крупным планом на широко открытые рты певцов, исполняющих труднейшие арии (безобразия, прямо как наглядное пособие для консерваторий!), и не те темпы у Зубина Меты, и совсем уж крупный ляпсус — подробное панорамирование хрустальных люстр зала Ваграм во время увертюры. Не пощадили и Хосе Куру: мол, буйный латинский темперамент хлещет через край (битые тарелки, борцовские захваты Виолетты), обнаженная могучая шея аргентинского гаучо не соответствует образу аристократического, изнеженного Альфреда, да и вокал! Нет, не его партия! Меньше всего досталось исполнительнице роли Виолетты, никому доселе не известной, а наутро проснувшейся знаменитой Этери Гвадзава.

Нежный голос Этери как нель-

зя лучше передает страдания Виолетты. Если ее "моцартовской" вокальной манере и не хватало драматизма и жизнеутверждающих форте, то щемящие нотки "Аддио!..." трогают. Стараниями певицы, отдавшей роли всю себя, промахи режиссуры сглаживаются. А что касается отсутствия мимомолей в первой арии, то и звезда Хосе Кура допустил подобное, решившись исполнить сложнейшую вставную кабалетту без финального до и потерпев фиаско, запечатленное камерой.

Первый акт оперы разворачивается в здании посольства Италии, бывшем дворце Ларошфуко. К дому Виолетты съезжаются кареты, выходят нарядные дамы, поддерживаемые господами во фраках. С лестницы спускается элегантная хозяйка — стройная, красивая и молодая.

— В итальянском журнале "Донна" прочитала интервью с тобой еще до выхода "Травиаты", ее ведь широко рекламировали.

— По-моему, ее не слишком хорошо приняли, особенно здесь, в Италии.

— Это касается не столько тебя, сколько режиссерской и операторской работы. Например, сцена под столом.

— Это была самая гениальная идея режиссера, он просто гордился ею.

— Выглядело не слишком эстетично, как и операторские наезды на певцов, крупные планы во время исполнения сольных фрагментов. Подбородок Жермона-отца так трясся во время знаменитой арии!..

— Одно дело петь под фонограмму, а другое — живьем, вся мимика видна, все, что ты делаешь, то же самое, что и на сцене, но только между сценой и залом есть дистанция.

— Итальянцы почему-то о тебе пишут: "сибирское" сопрано, это они сами так решили или ты им подсказала?

— Омск же, где я родилась, в Сибири.

— Себя чувствуешь россиянской, пять лет уже за границей, имя и фамилия грузинские.

— Отец у меня мингрел, они с матерью развелись давно, но я с отцом поддерживала хорошие отношения...

— Семья оказала влияние на выбор профессии?

— Мама и ее братья, сестры — все играли на чем-то и пели, дед мой пел в хоре, у отца был прекрасный голос. С детства я участвовала в самодеятельности, но о карьере певицы не думала.

— Как же в музыкальное училище поступила?

— Не знаю даже, особых данных у меня не было. Первый пе-

дагог в училище голос из меня "вытащил". Мне всегда везло с педагогами.

— А драматический талант откуда?

— "Травиата" была студенческим выпускным спектаклем в оперной студии. Вокально я справилась... Конечно, я еще молодая была, до этой роли надо дорасти.

— А в театре в России пела, в Новосибирском, например?

— Нет, я туда не стремилась, тяжело там работать. Во-первых, размеры его огромные, акустика не очень хорошая, и потом...

— Из твоего Интернет-сайта я поняла, что ты в Германии в постоянной труппе работаешь.

— После консерватории на конкурсе в Москве получила первую премию, поездку в Германию, в Баховскую академию. Там познакомилась с педагогом из Высшей музыкальной школы Карлсруэ Марией Венути. Для меня это было как бы аспирантурой, я все равно не собиралась оставаться в Новосибирске. Вскоре у меня заканчивается контракт в маленьком немецком театре.

— "Травиата" дала толчок карьере?

— Да, но сначала в Германии меня нашли для спектакля знаменитого режиссера Джорджо Стрелера "Так поступают все" в театре "Пикколо" в Милане, там меня услышал Андреа Андерманн — продюсер "Травиаты".

— Со Стрелером было интересно работать?

— Он умер во время репетиции, хотел обязательно сделать моцартовскую трилогию. "Так поступают все" ее завершала. Мы работали много и очень интенсивно, по шесть часов в день, однако в целом не слишком-то долго. Но даже за короткое время у такого большого мастера можно многому научиться. Каркас, на котором и держался спектакль, был им создан.

— Чем руководствовался Андреа Андерманн, когда выбрал тебя для "Травиаты", как ты думаешь?

— Внешними данными, он эстет. Его жена даже в свои 60 — очень красивая женщина. Но и актерскими данными тоже. Ему нужен был прежде всего актер, который поет.

— Многие любители оперы, знающие в "Травиате" каждую нотку, были возмущены отсутствием мимомолей в арии первого акта.

— Они там не написаны, в партитуре. Но если бы я не была такая усталая, то взяла бы. Репетиции были на износ, в какой-то момент я была близка к тому, чтобы потерять голос.

— Неужели все было в прямой трансляции, как объяви-

ли? Было слышно странное акустическое эхо.

— Если ты заметила, в первом действии у меня было открытое черное платье, микрофон был над лбом, в волосах, а шнур — в локоне, спускался через бретельку к батарейкам в нижней юбке.

— Как это сооружение не оборвалось, ведь и током могло ударить!

— Это было проверено на репетициях в течение трех месяцев.

— Виолетта на этот раз получилась зрелой?

— С годами набираешься опыта не только личного, но и сценического. Думаю, что сейчас я готова в каждую роль вложить свою индивидуальность. Никогда никому не подражаю и не хочу!

— Ты бы хотела, чтобы "Травиату" купила для трансляции Россия?

— Я думала, что уже купила. Андреа Андерманн мне это еще до прямой трансляции сказал, я его тогда спросила: "Почему ты России не подаришь, сделал бы такой небольшой жест!"

— После премьеры из музыкального мира России пришли какие-то поздравления?

— Нет, никакого внимания: я думаю, что о "Травиате" в России никто и не знает.

— Как работалось со знаменитостями?

— Многие артисты терпеть не могут, когда дирижер не смотрит им в глаза. Мути такой тиран. Зубин Мета наоборот, для него важно сценическое действие, он пожирает тебя глазами, дышит с тобой.

— Известно, что Мария Каллас даже была теноров, если они, например, держали верхнюю ноту дольше нее. А как складывались отношения с Хосе Курой?

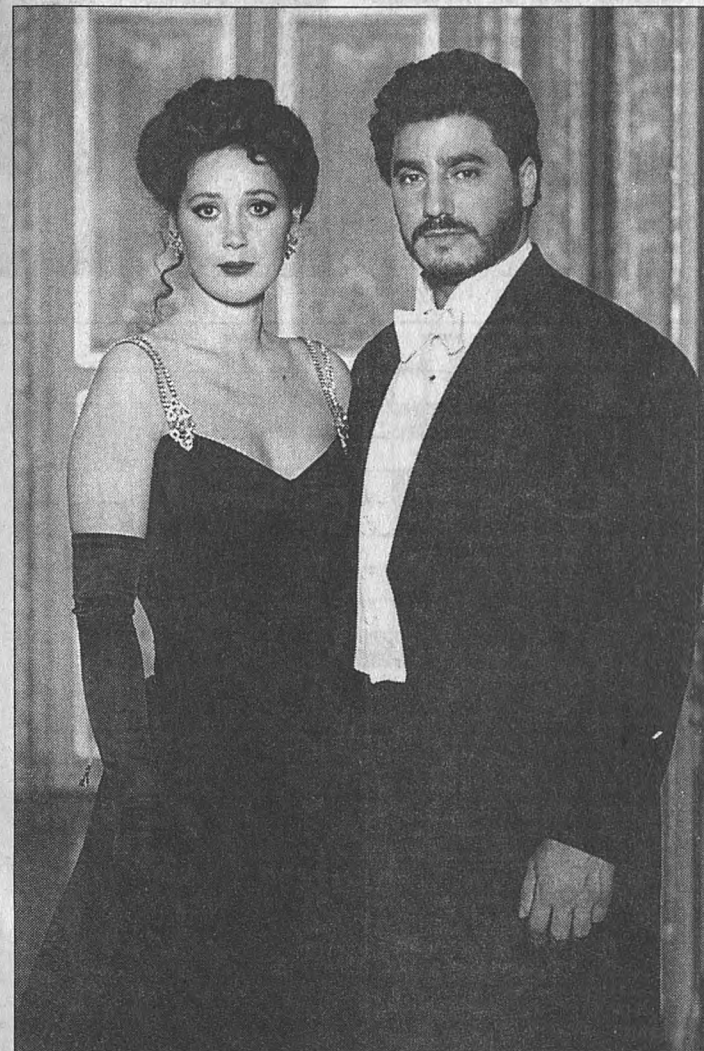
— Хосе мне очень помогал. Подсказывал, если режиссер не мог мне что-то объяснить. Давал мне немалую творческую энергию.

— Сейчас очень модно возводить артистов в ранг секс-символов, и до опер дошла эта мода. Не случайно выбор продюсера пал на Хосе?

— Он очень интересный мужчина, умеет себя подать. В жизни он... нет, он хороший семьянин, любит своих детей. А остальное — имидж. Хосе далеко не глуп, что редкость среди певцов, с ним интересно пообщаться, он творческий человек, на пении для него свет клином не сошелся. Увлекается фотографией, это просто страсть, сочиняет, дирижирует, редко встречаются личности столь гармоничные.

А секс-символа, думаю, из него сделали. Ему, наверное, это нравится, это тоже реклама.

— Как ты сочетаешь личную

Э.Гвадзава и Х.Кура

жизнь и работу, карьеру?

— Я была замужем, а сейчас наслаждаюсь свободой, не тороплю события, и вообще я не очень увлекающийся человек.

— Какие партии у тебя в репертуаре?

— Микаэлла, Лю, Мими, оперы Моцарта.

— Хотела бы спеть в Большом или Мариинском?

— Нет, у нас в России не любят тех, кто уже сделал карьеру на Западе.

— Не согласна, знаю, что Валерий Гергиев приглашает певцов, уже имеющих имя.

— А я, наоборот, слышала другое мнение, что он дает дорогу только своим. Других он игнорирует, никак не воспринимает. И потом... в Мариинском есть свои хорошие певицы. У меня своя дорога, свой путь. В Германии у меня было время составить репертуар, обрести уверенность на сцене.

— В этом году будешь петь в Италии?

— В Вероне, в Театро Филармонико, — Татьяну, в Турине — Виолетту, в Палермо — Памину из "Волшебной флейты". Верона мне очень нравится, собираюсь совсем туда перебраться, красивый город. А в Омске газету прочтут?..

Стремительные успехи в карьере, будем надеяться, не вскружат голову Этери, имеющей все данные для достижения лучших этапов мирового оперного искусства. Колоссальное российское вокальное богатство часто растекается по миру, теряя при этом свою ценность. А Этери — один из сверкавших драгоценных камешков. Россия не теряет надежду увидеть "Травиату" или услышать Гвадзаву в своих театрах.

Динара
АЙДАРОВА-АГАПИ
Верона

По сообщениям
корреспондентов
"Культуры" и ИТАР — ТАСС